

Балтийский федеральный университет имени И. Канта
Институт гуманитарных наук
Академия Кантиана

Международная научная конференция

**КАНТ И СОЛОВЬЁВ:
КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ**

15 – 16 ноября 2018 г., Калининград

*Программа конференции
Тезисы докладов*

Калининград
2018

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

- Председатель** *Нина Дмитриева, д. ф. н., профессор МПГУ, научный директор Академии Кантиана*
- Заместитель председателя** *Леонид Корнилаев, к. ф. н. научный сотрудник Академии Кантиана*
- Состав** *Михаил Загирняк, к. филос. н., науч. сотр. Академии Кантиана*
Андрей Зильбер, мл. науч. сотр. Академии Кантиана
Сергей Луговой, к. филос. н., доц, ст. науч. сотр. Академии Кантиана
Варвара Попова, к. филос. н., доцент Ин-та гуманитар. наук
Анатолий Пушкарский, мл. науч. сотр. Академии Кантиана
Давид Рожин, акад. ассистент Академии Кантиана
Александр Киселев, акад. ассистент Академии Кантиана
Полина Бонадысева, акад. ассистент Академии Кантиана
Катерина Шиповских, акад. ассистент Академии Кантиана

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

- Председатель** *Борис Межуев, к. филос. н., доц. кафедры истории русской философии МГУ им. М.В. Ломоносова*
- Заместитель председателя** *Нина Дмитриева, д. филос. н., профессор МПГУ, научный директор Академии Кантиана БФУ им. И. Канта*
- Состав** *Эверт ван дер Звейрде, доктор философии, профессор Нейменгенского университета им. Св. Радбода*
Алексей Козырев, к. филос. н., доц., зам. декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Фредерик Тремблэй, PhD, ст. науч. сотр. Академии Кантианы БФУ им. И. Канта

СОДЕРЖАНИЕ

Программа конференции	4
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ	
<i>Анатолий Черняев (Москва, Россия):</i> К вопросу о современной рецепции философского наследия Канта и В.С. Соловьева в России	6
<i>Алексей Козырев (Москва, Россия):</i> Соловьевский взгляд на русское просвещение в лекциях «О ходе русского просвещения» 1881 года	8
<i>Александра Бердникова (Москва, Россия):</i> Этический идеал в концепции «свободной теократии» В.С. Соловьева: кантианский аспект	10
<i>Эдуар Жирар (Париж, Франция):</i> Понятие экуменизма в сочинениях Соловьева: между кантианской антропологической мыслью и гегелевской спекуляцией	12
<i>Фредерик Тремблей (София, Болгария / Калининград, Россия):</i> Преодоление Канта Соловьевым в вопросе о существовании внешнего мира и нашем знании этого мира	13
<i>Вячеслав Савинцев (Калининград, Россия):</i> Кантовская темпоральная рецепция в творчестве В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого и Н.Я. Грота (общее и различия)	15
<i>Владимир Белов (Москва, Россия):</i> Соловьев и русское неокантианство: историческая судьба учения Платона	17
<i>Борис Межуев (Москва, Россия):</i> Этика стыда вместо этики долга: опыт преодоления кантианства	18
<i>Алексей Круглов (Москва, Россия):</i> Критика кантовской этики В. С. Соловьевым	20
<i>Владимир Сидорин (Москва, Россия):</i> Иммануил Кант в нравственной философии Вл. Соловьева и Н.И. Кареева: «Оправдание добра» и «Мысли об основах нравственности»	21
<i>Эверт ван дер Звейрде (Неймеген, Нидерланды):</i> Докантовская суть практической философии В.С. Соловьева	24
<i>Весла Ойттинен (Хельсинки, Финляндия):</i> Мысль Соловьева в последний период: «энигматичное» приближение к Канту	26
<i>Эдвард Свидерски (Фрибур, Швейцария):</i> Самоопределение и/или реакция на ценность? Кант, Соловьев, Шелер – и Гарри Франкфурт – о моральной психологии	28
<i>Томас Немет (Нью-Йорк, США):</i> Эстетика у Соловьева и Канта: Должна ли красота соответствовать моральному благу?	30

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

ЧЕТВЕРГ, 15 НОЯБРЯ

8:30–9:00 Регистрация участников

9:00–9:30 *Открытие семинара:*

Андрей Клемешев, ректор БФУ имени И. Канта

Максим Дёмин, и.о. проректора по научной работе и инновациям
БФУ имени И. Канта

Татьяна Цвигун, директор Института гуманитарных наук БФУ
имени И. Канта

Нина Дмитриева, научный директор Академии Кантиана

Секция 1 Культурно-исторический и теоретический аспекты рецепции Канта и Соловьева в русской философской традиции

Модератор – Борис Вадимович Межуев

9:30–10:15 *Анатолий Владимирович Черняев*. К вопросу о современной рецепции философского наследия Канта и В.С. Соловьева в России (опыт реализации продолжающихся проектов многотомных изданий их трудов)

10:15–11:00 *Алексей Павлович Козырев*. Соловьевский взгляд на русское просвещение в лекциях «О ходе русского просвещения» 1881 года

11:00–11:30 **Кофе-брейк**

11:30–12:15 *Александра Юрьевна Бердникова*. Этический идеал в концепции «свободной теократии» В.С. Соловьева: кантианский аспект

12:15–14:00 **Обед**

Модератор – Эверт ван дер Звейрде

14:00–14:45 *Эдуар Жирар*. Понятие экуменизма в сочинениях Соловьева: между кантианской антропологической мыслью и гегелевской спекуляцией

14:45–15:30 *Фредерик Тремблэй*. Преодоление Канта Соловьевым в вопросе о существовании внешнего мира и нашем знании этого мира

15:30–16:00 **Кофе-брейк**

16:00–16:45 *Вячеслав Игоревич Савинцев*. Кантовская темпоральная рецепция в творчестве В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого и Н.Я. Грота (общее и различия)

16:45–17:30 *Владимир Николаевич Белов*. Соловьев и русское неокантианство: историческая судьба учения Платона

ПЯТНИЦА, 16 НОЯБРЯ

Секция 2: Практическая философия Канта и Соловьева в контексте русской и западной философии

Модератор – Алексей Павлович Козырев

9:30–10:15 *Борис Вадимович Межуев.* Этика стыда вместо этики долга: опыт преодоления кантианства

10:15–11:00 *Алексей Николаевич Круглов.* Критика кантовской этики В. С. Соловьевым

11:00–11:30 **Кофе-брейк**

11:30–12:15 *Владимир Витальевич Сидорин.* Иммануил Кант в нравственной философии Вл. Соловьева и Н.И. Кареева: «Оправдание добра» и «Мысли об основах нравственности»

12:15–14:00 **Обед**

Модератор – Нина Анатольевна Дмитриева

14:00–14:45 *Эверт ван дер Звейрде.* Докантовская суть практической философии В.С. Соловьева

14:45–15:30 *Весла Ойттинен.* Мысль Соловьева в последний период: «энигматичное» приближение к Канту

15:30–16:00 **Кофе-брейк**

16:00–16:45 *Эдвард Свидерски.* Самоопределение и/или реакция на ценность? Кант, Соловьев, Шелер – и Гарри Франкфурт – о моральной психологии

16:45–17:30 *Томас Немет.* Эстетика у Соловьева и Канта: Должна ли красота соответствовать моральному благу? (скайп из Нью-Йорка)

17:30–17:40 **Заккрытие семинара**

ТЕЗИСЫ

Анатолий Черняев
(Институт философии РАН)

К вопросу о современной рецепции философского наследия Канта и В.С. Соловьева в России (опыт реализации продолжающихся проектов многотомных изданий их трудов)

В настоящее время в Институте философии РАН ведется работа над двумя крупными научно-издательскими проектами: Полного собрания сочинений и писем (ПСС) В.С. Соловьева и сочинений Канта на немецком и русском языках. Этих мыслителей сближает то, они представляют собой центральные фигуры в истории западноевропейской и русской философии Нового времени; в то же время, они могут быть представлены в качестве антиподов, если вспомнить рецепцию Канта русской религиозной метафизикой, с точки зрения которой кенигсбергский мыслитель оказывается вторым членом оппозиции «София и черт» (А.В. Ахутин)... Инициатива издания Канта была продиктована необходимостью терминологического совершенствования старых переводов и предоставления читателю возможности обратиться к первоисточнику на языке оригинала, а вместе с тем – явилась свидетельством продолжения философского диалога России и Германии, отражала фундаментальную потребность сохранения и укрепления связей российской философской культуры с западноевропейской мыслительной традицией. Символично, что в этом российско-немецком проекте приняли участие специалисты из университета Марбурга, который с начала XX в. известен как один из главных центров философского взаимодействия Германии и России. Публикуемые в каждом томе сопроводительные статьи не только призваны служить историко-философским введением к вошедшим в том текстам, но и решать задачу актуализации наследия Канта, предлагать современный взгляд на обсуждаемые у него проблемы.

Согласно идеологии проекта подготовки ПСС Соловьева, актуализации наследия философа, включению его идей в современную интеллектуальную повестку должно предшествовать уяснение генезиса его концепций, их места и значения в истории русской культуры и в контексте мировой философии. Определяемая этой целью задача состоит в подготовке академического издания, которое должно

максимально полно включать редакции, разночтения, незавершенные и вновь найденные произведения. Все это, наряду с подробным освещением в комментариях откликов современников на тексты Соловьева и дискуссий вокруг них, позволит увидеть его наследие не просто как сумму определенных философем, а как итог драматичной идейной эволюции мыслителя. Решение такой задачи требует выполнения обширной историко-философской работы, археографической и текстологической, навыками которой сегодня в России владеют единицы. И с этим связана не только организационная проблема: недостаток специалистов, способных на должном уровне заниматься научной подготовкой ПСС Соловьева, свидетельствует о тревожном симптоме утраты нами культурных и экзистенциальных связей с наследием, которое обладает нормативным значением для российской идентичности. Учитывая это, деятельность группы специалистов, работающих над ПСС Соловьева, может быть оценена как важная миссия, причем не только научная, но также и духовно-культурная.

Литература

1. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи (1764-1796) / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Ками, 1994
2. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Кн. 1-2. Критика чистого разума / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, Т.Б. Длугач, У. Фогеля. М.: Наука, 2001
3. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 3. Основоположение к метафизике нравов. Критика практического разума / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, Э.Ю. Соловьева, А.К. Судакова. М.: Наука, 1997
4. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения» / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, Т.Б. Длугач, У. Фогеля. М.: Наука, 2006
5. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. Ч. 1. Метафизика нравов, часть первая. Учение о праве / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, А.Н. Круглова, Э.Ю. Соловьева. М.: Канон+, 2014
6. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Сочинения. Том 1. 1873-1876. М.: Наука, 2000
7. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Сочинения. Том 2. 1875-1877. М.: Наука, 2000

8. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Сочинения. Том 3. 1877-1881. М.: Наука, 2001
9. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Сочинения. Том 4. 1878-1882. М.: Наука, 2011
10. Ахутин А.В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51-69.

Алексей Козырев
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Соловьевский взгляд на русское просвещение в лекциях «О ходе русского просвещения» 1881 г.

Знаменитые лекции в Кредитном обществе, прочитанные 26 и 28 марта 1881 году, вошли в историю как яркое политическое выступление философа, обратившегося к восшедшему на престол Александру III с призывом помиловать первоапрельцев – убийц императора Александра II. Этот призыв вписал имя В.С.Соловьева в историю русского освободительного движения. Вместе с примыкающей к этим чтениям, но хронологически предшествующей лекцией «Смысл современных событий», прочитанной на Высших женских курсах 13 марта, лекции являют собой пример активного, социально ориентированного христианства. Существенен тот факт, что в этой лекции Соловьев дает оценку французской революции и, на ее примере, социальной революции вообще, признавая ее относительную правду в том, что касается уничтожения рабства в форме остатков феодализма. Однако особенностью современного революционного движения Соловьев считает тот факт, что «господствующее мирозерцание отказалось не только от теологических принципов, а и от метафизической идеи права чистого разума, которая лежала в основе революции <17>89 г.» [6,1,37]. Существует множество записей «лекции о первоапрельцах», как опубликованных, так и хранящихся в различных архивах. Некоторые смысловые разночтения этих списков будут представлены в настоящем докладе. Однако до сих пор неопубликованной является первая лекция, прочитанная 26 марта. Именно на фоне идей, высказанных в этой лекции, проясняется позиция лектора, занятая им во второй, окончившейся призывом к Царю, и не позволившей лектору продолжить и завершить намеченный цикл из трех лекций. В ней, следуя дошедшей до нас

программе чтений, Соловьев дает определение Просвещению и выделяет три основных этапа его развития в России, начиная с Петровских реформ. Ответ на вопрос «что такое просвещение» Соловьев дает в кантовском духе: «Приведение темных, бессознательных начал, тех начал, которые составляют истину всего живущего, в сознание. Просвещенным народом мы называем тот, который знает, в силу чего он живет, знает свою истину» [РГАЛИ. Ф.446. Оп.2. Ед.1. Л.33]. Соловьев подчеркивает параллелизм путей европейского и русского Просвещения, ставя в сердцевине просвещения идею человеческой личности и выделяя три этапа – мистицизм, гуманизм и натурализм (материализм). Конспект первой лекции не является авторизованным, некоторые цитаты (из писем Белинского) скриптором опущены и требуют реконструкции, однако оценки, даваемые Соловьевым известным деятелям русского Просвещения – Н.И.Новикову, В.Г.Белинскому, представляют интерес в общем контексте соловьевского творчества и дискурса эпохи. В докладе будет затронута также деятельность Соловьева в качестве члена Учебного комитета Министерства народного просвещения и его усилия по неосуществленному проекту создания в Петербурге первого философского общества. В подготовке этого доклада использованы архивные материалы, хранящиеся в фондах РГАЛИ (Москва), РГИА, РО ИРЛИ (Санкт-Петербург).

Литература

1. Безродная Ю. Владимир Соловьев об амнистии и смертной казни. // Страна. 1906. № 69. 11 мая.
2. Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. В 3 кн. М.: Книга, 1990.
3. П.Щ. [Щеголев П.Е.] Событие 1 марта и В.С.Соловьев.// Былое. 1906. № 3. С.48-55.
4. Роцинский С.Б. Лекция Вл.Соловьева, прочитанная им 28 марта 1881 года в зале Кредитного общества // Соловьевские исследования. Вып. 1(37). 2013. С. 75-79.
5. Слонимский Л. Письмо в редакцию. // Былое, 1907, № 3 (15).
6. Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Составление и подготовка текста Н.В.Котрелева, примечания Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. М.: Правда, 1989.

Этический идеал в концепции "свободной теократии"
В.С. Соловьева: кантианский аспект

Влияние идей И. Канта на становление взглядов В.С. Соловьева – довольно сложная, неоднозначная и противоречивая тема, активно разрабатываемая учеными-кантоведами и знатоками творчества русского мыслителя. Мнение исследователей о степени и характере этого влияния различается кардинальным образом: от полного отрицания такового (В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосев [8; 4]); до признания, учения Канта одной из определяющих вех в эволюции взглядов Соловьева на каждом из ее этапов: теософском, теократическом и теургическом (Д.Н. Стремоухов, Е.Н. Трубецкой [9; 7]).

Нельзя не признать, что отношение самого Соловьева к кантианским этическим принципам и идеям тоже постоянно менялось на каждом из этапов его творчества. На первом этапе ключевой работой, отражающей отношение Соловьева к наследию Канта, была его докторская диссертация «Критика отвлеченных начал» (1880), на более поздних этапах – программная работа мыслителя по этике «Оправдание добра» (1897). Второй, «теократический» или «публицистический» период, основной работой которого стал незаконченный труд Соловьева «История и будущность теократии» (1887), на первый взгляд, был свободен от «кантианской рефлексии». Внимание русского философа здесь было сосредоточено на творениях Отцов Церкви, католических и протестантских теологов, а также Ф. Шеллинга. Но такое впечатление поверхностно: «кантианские мотивы» проявляются здесь в понимании Соловьевым *свободы* в теократическом обществе; в его рассуждениях о государственном устройстве, праве, справедливости и основных принципах *христианской политики*; о месте и роли личности в истории (начиная с ветхозаветного предания и вплоть до современных Соловьеву общественных реалий), *цели* истории, идеале богочеловечества, а также в идее исторического и общественного *прогресса* [См.: 1; 2]; эти же мотивы находят свое отражение и в полемике философа по вопросу объединения христианских церквей против консервативно настроенной интеллигенции той эпохи: А.М. Иванцова-Платонова, И.С. Аксакова, Н.Н. Страхова, П.Е. Астафьева, Л.А. Тихомирова, К.Н. Бестужева-Рюмина, генерала А.А. Киреева, М.Н. Каткова, православных богословов из редакции журнала «Вера и разум» (Т. Стоянова, А.П. Шостыина) и

французского священника, о. Владимира Гетте, перешедшего из католичества в православие. Эти дискуссии получили развитие в дальнейших идеях Соловьева о разграничении реального бытия и нравственного долга, что впоследствии в «Оправдании добра» он представляет как «несомненную заслугу» «великого» философа Канта [См.: 5; 6]. Кроме содержательной переклички идей Канта и Соловьева в контексте концепции «свободной теократии» последнего некоторые исследователи (в частности, польский ученый Ян Красицкий) находят также их сходство в формальном плане, характеризуя данную концепцию русского мыслителя как его «трансцендентальный идеал» [3, с. 161].

Таким образом, именно в концепции христианской политики и теократии Соловьева его идеи оказываются наиболее близкими по смыслу этической концепции Канта (хотя прямые ссылки на учение кенигсбергского философа в работах Соловьева, относящихся к данному периоду, практически отсутствуют). О степени этой «близости» свидетельствуют также критические оценки теократии Соловьева, высказываемые его идейными оппонентами: так, одним из наиболее частых упреков, звучавших в его адрес из уст идеологов православной «охранительной политики» (в частности, сотрудников журнала Харьковской духовной академии «Вера и разум») было обвинение в прогрессизме, а также утверждение, что за основу своего теократического учения Соловьев берет гносеологические и отвлеченно-философские принципы из своих ранних работ. В целом же, нельзя не согласиться с классической оценкой этических и теократических идей Соловьева (высказанной, в частности, Е.Н. Трубецким), характеризующей преломление его концепции богочеловечества в социальном плане как «далеко выходящую за рамки» и «преодолевающую» кантианское этическое учение теорию [7, с. 189].

Литература

1. Брюшинкин В.Н. Культурологические основания правовых теорий Иммануила Канта и Владимира Соловьева // Кантовский сборник. Вып. 17. Калининград, 1993. С. 116-128.
2. Калининков Л.А. Вл. Соловьев и И. Кант: этические конвергенции и дивергенции // Кантовский сборник, 1994. Вып. №1 (18). С. 101-116.
3. Красицкий Ян. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева. М.: Прогресс-традиция, 2009. – 448 с.
4. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М: Прогресс,1990. – 719 с.

5. Нижников С.А. Владимир Соловьев и Иммануил Кант // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2004. №1. С. 48-61.
6. Прибыткова Е.А. Владимир Сергеевич Соловьев о нравственном призвании права // Вопросы философии, 2011. № 8. С. 98-110.
7. Трубецкой Е.Н. Мирозозерцание Вл.С. Соловьёва: в 2 т. Т.1. М., 1913. – 635 с.
8. Эрн В.Ф. Гносеология В.С. Соловьёва // Сборник первый о Вл. Соловьёве. – М., 1911. С. 129-207.
9. Strémooukhoff D. Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique (réimpression d'une thèse de 1935). Paris: L'Age d'Homme, 1975. – 351 p.

Édouard Girard

(University Paris-1 Panthéon-Sorbonne)

The concept of ecumenism in Solovyov's works: between Kantian anthropological thought and Hegelian speculation

The notion of ecumenism usually refers simply to the collection of different Christian liturgies under one concept, without affecting the meaning or the specificity of each liturgy particularly. Under this definition, ecumenism expresses a formal concept, in the sense that it qualifies its different objects in an indifferent manner. However, Solovyov seems to have used this word in an opposite meaning, at variance with this common acceptance. As the Belgian bishop, Jean Rupp, wrote:

The ecumenism of Solovyov is “full”. It is not a simple frame. He wants to change the world through the virtue of Christianity.¹

This “fullness”, corroborating this desire/intent to “change”, grants to ecumenism the power of altering reality and, therefore, distinguishes it from its usual definition. But this notion seems to be both central and unclear in Solovyov's works. Understood as an effective agent of change, Solovyov's ecumenism seems similar – but not identical – to the Hegelian conception of religion as exposed in the *The Phenomenology of Spirit*, according to which “the religion”, initially undetermined, finds in itself the power to represent figures of absolute self-consciousness. Thus, religion, does not present itself as a formal concept anymore, but on the contrary, as a dialectic, self full-filling process of unification. However, this acceptance seems to encompass a hyper speculative connotation, contravening the anthropological ground of

---

¹ Jean Rupp, *Message ecclésial de Soloviev* (Vie avec Dieu, Brussels, 2004).

Solovyov's theories. From this perspective, Kantian theory could appear more convenient to describe it, considering the initial relation to God, or any concept of pure reason, based on the form of human power of understanding. But it is opposed by the above-mentioned ability to "change", as human power of understanding is defined as a non-temporal concept.

Thus, we may ask ourselves: how can Solovyov's acceptance of ecumenism be grounded on an anthropological relation to transcendence and remain philosophically determined by the perspective of unity?

References

1. Соловьёв, В.С. *История и будущее теократии* in *Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва*, т.4. СПб: Просвещение, 1911.
2. Soloviev V., *La Russie et l'Église universelle*², Paris: éd. François-Xavier de Guibert, 2008.
3. Hegel G.W.F., *Phänomenologie des Geistes*, Hamburg: Meiner Verlag, 1988.
4. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*, Hamburg: Meiner, 1998.
5. Rupp J. *The ecclesiastic message of Solovyov*, Brussel: Vie avec Dieu, 2004.

Frédéric Tremblay

(*St. Kliment Ohridski Sofia University,
Immanuel Kant Baltic Federal University*)

Vladimir Solovyov's Overcoming of Kant on the Question of the Existence of the External World and of Our Knowledge of It

In the aftermath of the publication of Vladimir Solovyov's *magister's* thesis, *The Crisis of Western Philosophy* (*Кризис западной философии*, 1874), Konstantin Kavelin reacted with a brochure entitled *A Priori Philosophy or Positive Science? On the Dissertation of Mr. V. Solovyov* (*Априорная философия или положительная наука? по поводу диссертации г. В. Соловьёва*, 1875). In this text, Kavelin, who was an opponent of idealism, was accusing Solovyov of agreeing with Kant's claim that we know only phenomena. Solovyov responded with an article entitled "The Reality of the

---

² First written in french, and published in Paris in 1889.

External World and the Foundation of Metaphysical Knowledge (Reply to K. D. Kavelin)” (“О дѣйствительности внѣшняго міра и основаніи метафизическаго познанія (отвѣтъ К. Д. Кавелину),” 1875), in which he argued that there is such a thing as a *Ding an sich* and that knowledge of it is possible. What had confused Kavelin, he writes, was the claim that “the world is my representation.” But, “from the fact that the external world as such, that is, in relation to me as other (because what is external can obviously be such only in relation to an other), is only my representation [...], it does not follow that, in itself, without relation to me, that is, not as something external, it does not have its own reality.”¹

In fact, he adds, “every phenomenon corresponds to a certain real being, independent of the representing subject.”² In *La Sophia: Principes de la doctrine universelle*, which he wrote in French in 1876 while in Cairo, Solovyov argues similarly that “[t]hrough external phenomena, we know internal phenomena, and through the latter, <we know> being.”³ Two decades later, in “The Reality of the Moral Order” (“Дѣйствительность нравственнаго порядка,” 1896), he argues that there are five levels of being: mineral, vegetal, animal, human, and divine. From these three texts, it is clear that Solovyov admitted the existence of — and our capacity to know — the absolute principle, monads, which he associated with atoms, matter, inorganic beings, organic beings, consciousness, and real relations between these entities. In this talk, I argue that, although Solovyov has often been mischaracterized as an “idealist philosopher,” he was in fact both an ontological and epistemological realist about the external world.

References

1. Kavelin, Konstantin Dmitrievich [Кавелин, Константин Дмитриевич] (1875), *Априорная философія или положительная наука? по поводу*

---

¹ “изъ того, что внѣшній міръ какъ такой, то-есть по отношенію ко мнѣ какъ другому (ибо внѣшнимъ можно быть очевидно только по отношенію къ другому), есть лишь мое представленіе (а это первая аксіома всякой философіи), никакъ не слѣдуетъ, чтобъ онъ самъ по себѣ, безъ отношенія ко мнѣ, то-есть уже не какъ внѣшній, не имѣлъ собственной дѣйствительности” (Solovyov, 1875, p. 701).

² “всякому явленію соотвѣтствуетъ извѣстное, дѣйствительное, независимое отъ представляющаго субъекта бытіе” (Solovyov, 1875, p. 701).

³ “Par les phénomènes extérieurs on connaît les phénomènes intérieurs, et par ceux-ci l'être” (Solovyov, 1978, p. 6).

диссертациі з. В. Соловьева, Санкт-Петербург: Типографія М. Стасюлевича.

2. Losev, Alexei Fedorovich [Лосев, Алексей Федорович] (1990), *Владимир Соловьев и его время*, Москва: Прогресс.

3. Solovyov, Vladimir Sergeyeovich [Соловьевъ, Владиміръ Сергеевич] (1874), *Кризисъ западной философіи: противъ позитивистовъ*, Москва: Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).

4. Solovyov, Vladimir Sergeyeovich [Соловьевъ, Владиміръ Сергеевич] (1875), "О дѣйствительности внѣшняго міра и основаніи метафизическаго познанія (отвѣтъ К. Д. Кавелину)," *Русскій Вѣстникъ*, том 117, № 6, июнь, pp. 696-707.

5. Solovyov, Vladimir Sergeyeovich [Соловьевъ, Владиміръ Сергеевич] (1896), "Дѣйствительность нравственнаго порядка," *Вопросы философіи и психологіи*, Книга 31, pp. 107-130.

6. Solovyov, Vladimir Sergeyeovich [Soloviev, Vladimir Sergueïevitch] (1978), *La Sophia et les autres écrits français*, édités et présentés par François Rouleau, Lausanne: L'Âge d'homme.

Вячеслав Савинцев

(Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

Кантовская темпоральная рецепция в творчестве В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого и Н.Я. Грота (общее и различия)

Идея И.Канта о том, что пространство и время являются априорными формами чувственности трансцендентального субъекта надолго оставалась своеобразной парадигмальной установкой как для западноевропейской, так и русской философских традиций. Рост естественнонаучного знания, методологические изменения в философии и психологии последней четверти XIX- нач. XX вв. стали причинами пересмотра и формирование новых эпистемологических стратегий. Этот процесс хорошо просматривается на примере творчества идейно-тематически различных, но близких по традиции философского артикулирования мыслителей – В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого и Н.Я. Грота.

Представленные философы прошли качественную школу увлечения кантовским трансцендентализмом, оставившим след в их

творчестве, однако каждый из них в той или иной степени стремился превзойти Канта, уточнить и переформулировать его базовые темпоральные положения. Ближе всего к кантовской традиции был В.С. Соловьев, понимающий время как «основное условие всякого конечного существования» [Соловьев, 1892а, с. 367]. Не смотря на явный онтологический акцент этого определения, Соловьев строг в его эпистемологической интерпретации: а) время не допускает эмпирического объяснения (т.е. не выводится из опыта, поскольку само является формой чувственного познания); б) не поддается «рациональному определению его сущности» (т.е. не выводится посредством суждений). Заметим, что в статье о Канте в ЭСБЭ содержатся те же рассуждения, но в развернутом состоянии.

С.Н. Трубецкой также выстраивал свою модель на базе кантовского учения, называя время «формой» чувственного опыта. При этом его критика Канта сводилась к непроясненности последним термина «трансцендентальный субъект». По Трубецкому, адекватность применения пространственных и временных форм чувственного познания возможна при условии а) психологической конкретизации субъекта; б) обоснования онтологии духовных связей между людьми, что он характеризовал как соборность сознания.

Особняком стоит С.Я. Грот, посвятивший интерпретации времени у Канта несколько статей. Мыслитель увидел две коренные «ошибки» кантовской концепции: 1) «воззрения» о времени он, все-таки, описывал как понятия; 2) признал время только «внутренней» формой опыта. Указанные ошибки оказались фатальными для неокантианской психологии, акцентировавшей внимание на внешних формах восприятия, но не на внутренних проявлениях души.

Литература

1. *Грот С.Я.* К вопросу о значении параллелизма в психологии // Вопросы философии и психологии М., 1894. Кн. 21 (1).
2. *Грот С.Я.* О времени // Вопросы философии и психологии М., 1894. Кн. 23 (3)
3. *Савинцев В.И.* Тема времени в метафизических концепциях С.Н. Трубецкого и Б.Н. Чичерина (дискуссия вокруг Канта) // Кантовский сборник: научный журнал. – 2017. – Т. 36, №2.
4. *Соловьев В.С.* Время // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1892. Т. 7(13).

5. Соловьев В.С. Кант // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 14(27).

6. Трубецкой С.Н. Основания идеализма // Собр. соч. кн. С.Н. Трубецкого: в 5 т. М., 1908а. Т. 2.

7. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Собр. соч. кн. С.Н. Трубецкого: в 5 т. М., 1908б. Т. 2.

Владимир Белов

(Российский университет дружбы народов)

Вл. Соловьев и русское неокантианство: историческая судьба учения Платона

В докладе будут рассмотрены три сюжетных линии интерпретации учения Платона и неоплатонизма:

1. Первая связана с традицией русской религиозной философии и, прежде всего, Вл. Соловьева, а именно, традиция христианизации учения Платона и неоплатоников.
2. Вторая связана с анализом позиции марбургских неокантианцев Когена и Наторпа, которые «кантонизировали» (выражение В.В. Зеньковского) своего Платона.
3. Третья сюжетная линия связана с попыткой одного из ведущих русских философов нерелигиозного направления, ученика Лосского, Когена, Наторпа и Кассирера, друга Н. Гартмана и Л. Карсавина В.Э. Сеземана системно рассмотреть учение Платона.

Закономерность «онтологического поворота» в философии XX века Сеземан обосновывает более выверенной интерпретацией античной философской традиции, берущей свое начало в философии Сократа, продолжающейся с серьезными изменениями в системе Платона и, наконец, получающей свое вполне определенный и законченный вид в учении Плотина. Его усилие в этом направлении, на мой взгляд, является попыткой сохранить за духом платоновского и далее неоплатоновского идеализма дух вполне научной и рациональной философии, преодолевающей, однако, ограниченности той логико-методологической и односторонности, которые он находит в марбургском неокантианстве.

Главный недостаток в интерпретации Платона и (нео)платонизма со стороны марбургской школы русский философ видит в том, что она

проигнорировала онтологические мотивы в учении Платона, а потому не смогла системно оценить данное учение. Дело в том, по мнению Сеземана, что гносеологические и онтологические моменты в идеализме Платона неразрывны и взаимно обуславливают друг друга. Если исследователь искусственно разъединяет их и/или редуцирует один из них к другому, он выхолащивает сам дух платоновской философии. Причем Платон здесь вписан в определенную традицию античной философии

Литература

1. Абрамов А.И. Философия всеединства Вл.Соловьёва и традиции русского платонизма // История философии № 6, 2000.
2. Тихолаз А.Г. Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX — начала XX веков. Киев: ВиРА, 2003. 367 с.
3. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991.
4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
5. Natorp P. Platons Ideenlehre: Eine Einführung in den Idealismus. 2, Aufl., Leipzig, 1921/
6. Sesemann V. Die Ethik Platos und das Problem des Bösen // Philosophische Abhandlungen: Hermann Cohen zum 70. Geburtstag (4. Juli 1912). Berlin, 1912.
7. Сеземан В.Э. Платонизм, Плотин и современность // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. 1925. Кн. 1. репр. изд. М., 2005

Борис Межуев
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Этика стыда вместо этики долга: опыт преодоления кантианства

Как известно, проект создания труда о нравственной философии родился у Вл. Соловьева в 1894 году после его собственного отказа от переиздания в расширенном виде «Критики отвлеченных начал». Сам Вл. Соловьев писал в примечании к специальному приложению к книге, что писал свою докторскую диссертацию 20 лет, когда «в вопросах чисто

философских находился под преобладающим влиянием Канта и отчасти Шопенгауэра». Теперь же нужно было писать совсем другое сочинение.

Почему же влияние Канта уменьшилось, и в чем это конкретно проявилось? Безусловно, главным моментом в преодолении кантианства стало новое представление русского мыслителя о том, что нравственная философия не сводится только к анализу межчеловеческих отношений, регулируемых кантовским принципом долга или шопенгауэровским чувством сострадания. О взаимодополнительности этих двух начал – рационального и эмпирического – Вл. Соловьев и рассуждает в «Критике отвлеченных начал» и в четырех извлеченных из нее главах, вошедших в новую книгу. В 1894 году Вл. Соловьев, однако, приходит к выводу, что нравственная философия должна также включать в себя анализ отношения человека к самому себе – к низшим природным началам и высшим духовным. Это первое и главное дополнение к Канту.

Второе дополнение заключается в том, что, согласно Вл. Соловьеву 1897 года, Кант блестяще выразил идею «чистоты» нравственного начала, однако, ничего не сказал про две другие идеи – идею «всеединства» Добра и идею «силы» Добра. Собственно, книга «Оправдание Добра» была как бы специальным раскрытием именно идеи всеединства нравственного начала – его приложимости ко всем аспектам общественной и личной жизни. С этой задачей, кстати, связано и само название книги, на котором останавливается Вл. Соловьев.

Наконец, третье дополнение к Канту связано с принципом свободы воли и автономии разума. Здесь Вл. Соловьев дополняет свой прежний по существу шопенгауэровский взгляд на свободу воли предположением, что абсолютная свобода возможно только для абсолютного зла.

Литература

1. Соловьев Вл. Оправдание Добра. Нравственная философия. М., Академический проект, 2010.
2. Кант И. Критика практического разума. М., 2017.
3. Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник. Философия права В.С. Соловьева. М.: Модест Колеров, 2011.
4. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл. Соловьева. Т. 2. М., Наука, 1995. С. 99-170.
5. Wembris B. Der russische Text der «Rechtfertigung des Guten» ("Opravdanie dobra") von Vladimir Solov'ev. Diss. Dunaburg, 1973.

Критика кантовской этики В. С. Соловьевым

В. С. Соловьев многократно обращался в своем творчестве к разным вопросам и проблемам кантовской этики – в первую очередь, в «Оправдании добра» (1897), но также и в «Критике отвлеченных начал» (1880), в энциклопедической статье об И. Канте (1895), а также в пьесе «Альсим» (1876–1878) или рассказе «На заре туманной юности...» (1892). Несмотря на то, что отношение Соловьева к кантовской этике на протяжении всего его творчества было двойственным – как с признанием несомненных заслуг кенигсбергского философа перед этикой как философской наукой, так и с резко выраженной критикой ее чистого «химического» и формального характера, – в этом отношении можно обнаружить и определенную эволюцию, в особенности в произведениях трех последних лет жизни русского философа.

Хотя кантовское «выведение и троякое определение категорического императива дали этике основание, равное по достоверности аксиомам чистой математики» (*Соловьев, В. С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 473-474*), этого, по Соловьеву, в лучшем случае может хватить лишь для утверждения чистоты, но не полноты или силы абсолютного добра. Наибольшее внимание Соловьев уделяет второй формулировке категорического императива, которая с небольшими вариациями передается им на русском языке в таком виде: *«действуй так, чтобы человечество как в твоем лице, так и в лице всякого другого всегда употреблялось тобою как цель и никогда как только средство»* (там же. С. 466). Выбранный Соловьевым не очень удачный вариант передачи кантовской формулировки, вероятно, поспособствовал извращенным истолкованиям категорического императива в России в том смысле, что он якобы требует относиться к другому «всегда как к цели» и «никогда как к средству». Несмотря на то, что Соловьев показывает разнообразные следствия нарушения категорического императива в случае инструментализации другого, само неизбежное и неустранимое отношение к другому в том числе как к средству, которое особенно отчетливо показывается Кантом не столько в «Основоположении к метафизике нравов», сколько в лекциях «Естественное право Фейерабенд», осталось у русского философа нерассмотренным.

Основное внимание в докладе будет уделено соловьевской интерпретации категорического императива Канта в его различных формулировках, критике «аморфизма» в этике, напрямую касающейся Л. Н. Толстого, а косвенно – Канта, проблеме субъективности и индивидуальности этики или ее коллективной природы, роли поколений и человечества, возможности морального прогресса, а также тем изменениям, которые соловьевская критика кантовской этики вносит в соотношение легального и морального, а также в автономию воли.

Литература

1. *Соловьев, Э. Ю.* Категорический императив нравственности и права. М., 2005.
2. *Соловьев, Э. Ю.* Вторая формула категорического императива в морально-правовом учении Вл. Соловьева // Иммануил Кант: наследие и проект / Под ред. *Н. В. Мотрошиловой, В. С. Степина.* М., 2007.
3. *Krouglov, A. N.* Kant-Kritik von Vladimir Solov'ev // Kant und seine Kritiker – Kant and His Critics. Hildesheim, 2018.
4. *Solowjow, E. Ju.* Die zweite Formel des kategorischen Imperativs in der moralisch-rechtlichen Lehre Wladimir Solowjows“ // Kant im Siegel der russischen Kantforschung heute / Hrsg. von *N. Hinske, N. W. Motroschilowa.* Stuttgart-Bad Cannstatt, 2008.

Владимир Сидорин

(Институт философии РАН)

Иммануил Кант в нравственной философии Вл. Соловьева и Н.И. Кареева: «Оправдание добра» и «Мысли об основах нравственности»

В конце 1894 года Вл. Соловьев начал публикацию серии статей по нравственной философии. Несколько лет спустя – в 1897 году – в дополненном и доработанном виде эти статьи составили один из главных трудов философа – «Оправдание добра», второе издание которого вышло уже через два года. Вместе с тем в 1895 году появился и иной философский труд по этике – «Мысли об основах нравственности. Прологомены по этике» Н. И. Кареева, также ставший приметой времени и завоевавший пристальное внимание интеллектуальной публики, о чем свидетельствуют последовавшие переиздания (2 изд. – 1896 г., 3 изд. –

1905 г.). Важнейшей задачей, которую решали оба мыслителя, было преодоление утилитаристских тенденций в этике, но и Соловьев, и Кареев различным образом формулировали и разрешали нравственную проблематику, имели во многом разные читательские аудитории. Однако в формулировке положений нравственной философии для них обоих значительную роль сыграла этика Иммануила Канта.

Рецепция Владимиром Соловьевым этики немецкого мыслителя – многогранный и сложный историко-философский феномен, не раз становившийся объектом внимания исследователей, отмечавших такие узловые моменты темы, как проблематику нравственного и социального идеалов у Соловьева и Канта, разрешение ими проблемы свободы воли, критика русским философом кантовского формализма и дуализма теоретического и практического разума и др. [1; 4; 8]. Без малейшего преувеличения можно сказать, что Кант оставался для Владимира Соловьева важнейшим «собеседником» в вопросах философии нравственности: недаром последний счёл необходимым включение в «Оправдание добра» приложения, посвященного этике немецкого мыслителя [10].

Существенное влияние оказал Иммануил Кант и на философское мировоззрение Н.И. Кареева, ценившего, по собственным многочисленным признаниям, и теорию познания Канта и его этику долга [5; 6; 7]. Именно кантовский категорический императив стал основой не только этической, но философско-исторической концепции Кареева [3].

Тема взаимоотношений Соловьева и Кареева уже поднимались в историографии отечественной философии. Однако исследователей привлекали либо вопросы личных отношений двух философов, бывших друзьями юности и сохранивших, несмотря на глубокие расхождения по широкому кругу философских вопросов, ровные отношения до самой смерти Соловьева [9]; либо сюжет, связанный с наметившейся в начале 1890-х гг., но так и не развернувшейся в полной мере дискуссии по теоретическим вопросам исторической науки и проблемам философии истории [2].

Рассмотрение сформулированных практически параллельно этических концепций Соловьева и Кареева через призму рецепции ими этики Канта позволяет не только углубить понимание отношений двух философов и истории, пожалуй, самого насыщенного в философском отношении десятилетия в русской культуре XIX века, но и проиллюстрировать фундаментальное влияние, которое оказала этика

Канта на отечественную философию в самых разнообразных ее проявлениях

Литература

1. Белов В. Н. Основоположения нравственной философии И. Канта и Вл. Соловьева // Кантовский сборник. 2013, № 3 (45). С. 16-23.
2. Буллер А. В. С. Соловьев и современность: о некоторых аспектах философии В. С. Соловьева. М.: Наука, 2018 – 174 с.
3. Гнатюк Л. В. О влиянии Канта на русский позитивизм // Кантовский сборник. 1975, № 1. С. 119-122.
4. Калинин Л. А. Кант в русской философской культуре. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005 – 311 с.
5. Кареев Н. И. Мысли об основании нравственности. Прологомены по этике. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895 – 177 с.
6. Кареев Н. И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895 – 154 с.
7. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. 3-е изд. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897 – 456 с.
8. Лазарев В. В. Этическая мысль в Германии и России: Кант – Гегель – Вл. Соловьев. М.: ИФРАН, 1996 – 301 с.
9. Малинов А. В. В.С. Соловьев и Н. И. Кареев (К истории взаимоотношений) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2, с. 55-64.
10. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Собрание сочинений в 10 тт. / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. СПб.: Книгоизд. Тов-во «Просвещение», 1911-1914. Т. 7.

The Permanent Pre-Kantian Core of Vladimir Solov'ëv's Practical Philosophy

In his article on Kant for the Brokgauz-Efron encyclopedia (1895), VI. Solov'ëv makes two claims: first, that 'the history of human thought [мысль]' can be divided into a pre-Kantian and a post-Kantian period, Kant representing a turning point not simply for German or Western philosophy, but for philosophy per se, and, second, that Kant did set the agenda for philosophy in almost every respect, but did *not* solve [sic!] all of philosophy's problems: 'Такая завершительная роль принадлежит Канту на самом деле только в области этики (именно в «чистой» или формальной её части), в прочих же отделах философии за ним остается заслуга великого возбудителя, но никак не решителя важнейших вопросов.' There is no doubt that Solov'ëv ascribed crucial importance to Kant throughout his career, i.e. from *Krizis zapadnoj filosofii* all the way down to *Opravdanie dobra*: he clearly did. The question is, however, how Solov'ëv (who himself was no doubt a "великий возбудитель" with respect to philosophy in Russia) related to the Kantian turn and to the division of the history of philosophy in a pre- and a post-Kantian period.

There are many possible ways to approach such a question. My approach is that of a political philosopher, i.e. neither an ethicist nor a historian of philosophy, despite the fact that, for me as for Kant and Solov'ëv, political philosophy sits next to ethics within what we traditionally call "practical philosophy." As a political philosopher, I distinguish three relevant levels of political philosophy: what a thinker has to say about matters political (law, the state, justice, etc.), how a thinker relates to "the political" (i.e. that dimension of reality that makes that there is something like "politics" to begin with; I define this dimension as the ineradicable, hence permanent and ubiquitous possibility of both concord and conflict), and, third, the political dimension of philosophy itself (polemics, discursive strategies, construction of texts, etc.). In my paper, I emphasize the third level.

Many philosophers go through a critical and self-critical period, but it does not always lead to a turning point in the history of philosophy. Focusing on Solov'ëv's "philosophical politics," I try to substantiate the following three claims: (i) the big and remaining difference between Kant and Solov'ëv is that the latter claims access to what the first denies the human mind to be capable of: knowledge of reality "as it is in itself" [the *Ding an sich*, the *noumenon*, the

essence]; (ii) this knowledge (or insight, or wisdom) can, in post-Kantian times, no longer be the object of *all* rational minds, but has to be the *exclusive* privilege of some, or even of one (but here, Solov'ëv is certainly not alone); (iii) as a result, Solov'ëv seems forced to construct the source of his wisdom (concretely: the early text *La Sophia*, conceived between *Krizis* and *Kritika*) in what we might call "his own unwritten doctrine." While Kant appears from this story as one of the pioneers of what Ch. Taylor has labelled the "immanent frame," Solov'ëv becomes a "reactionary" defender not only of transcendence or a "transcendent frame," but of The Transcendent itself.

References

1. Nemeth, Th. *The Early Solov'ëv and His Quest for Metaphysics*. Cham &: Springer, 2014.
2. Kornblatt, J. D. *Divine Sophia*. Ithaca & London: Cornell UP, 2009
3. Прибыткова, Е. А. *Несовременный современник; философия права В.С. Соловьева*. Москва: Модест Колеров, 2011.
4. Соловьев В.С. *Оправдание добра*, Москва: Мысль, 1988
5. Kant, I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht (1785). In: AA 08.
6. Solov'ëv, V. L'idée russe (1888).
7. Соловьев В.С. *Полное собрание сочинений*, Т. 1-4. Москва: Наука, 2000-2011.
8. Rouleau, François (éd.), *Vladimir Soloviev: La Sophie et les autres écrits français*. Lausanne: L'Age d'Homme, 1978.
9. Nemeth, Th. *Vladimir Solov'ëv's Justification of the Good; Moral Philosophy*. Cham: Springer, 2014.
10. Solov'ëv, V. *Gesamtausgabe*. Bd. VI. Freiburg im Breisgau: Erich Wewel Verlag, 1966.
11. *Философский словарь Владимира Соловьева*, под ред. Г.Б. Беляева. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

The Last Phase of Solovyov's Thought: An 'Enigmatic' Rapprochement to Kant

The antipathy towards Kant displayed by most Russian idealist philosophers is a well-known fact, often noted by researchers. It is not very difficult to understand its reasons. In the last instance, the negative attitude to Kant is evoked by the antinomies and problems of the modernisation of Russia and the impact of modern values on traditional Russian life-forms. Kant was the “philosopher of modernity” *par excellence* and thus represented to the Russian traditionalist thinkers just the way of philosophising which they rejected. True, the modern world began to emerge in the West already some centuries before Kant. But although already Descartes displayed in his works the central characteristics of modern world-view, such as the mind-body dualism, rejection of Scholastic logics and a focus on gnoseological questions, it was first Kant who formulated, so to say, on the “existential” level the principles of modern life, such as the moral autonomy of the subject and the idea of a “religion in the boundaries of Reason”.

In their attempts to formulate responses to Kant and the challenge of the Modernity, the Russian idealists followed two strategies. The first was a simple rejection of Kant's ideas, but as this hardly led to convincing results, the other strategy was to attempt to reshape and assimilate Kantianism so that it would correspond better to the needs to preserve the traditional Russian culture. Vladimir Solov'ëv's approach to Kant followed this second form of strategy. For Solov'ëv, Kant was maybe the most important philosopher of the modern age, and it was not, according to him, possible to ignore his critique of metaphysics and traditional forms of philosophy. However, despite his respectful attitude to Kant, the fact remains, that – as the present-day Russian scholar V. N. Brjušnikin rightly notes – “the conceptions of the traits of the personality in Kant's and Solov'ëv's modles of the world were essentially different”.¹

---

¹ В. Н. Брюшникин, *Сравнительное исследование западноевропейской и русской философии методом теории аргументации на примере текстов И. Канта и В. Соловьева*, in: *Материалы к сравнительному изучению западноевропейской и русской философии...*, Калининград: Изд-во КГУ, 2002, стр. 30 – 31 (quoted according to: С. А. Нижников, *Творчество Иммануила Канта в диалоге культур России и Запада*, Москва: РОССПЭН 2015, стр. 45).

However, in his last work, with the title *Theoretical Philosophy*, written in 1898 – 1899 and remaining unfinished, Solov'ëv seems to have changed his mind concerning Kant. The previous reverent but distancing attitude seems in this work have receded in favour of an almost complete embracing of Kant's ideas. The change is so conspicuous, that the editor of the German edition of Solov'ëv's works, Wladimir Szylkarski, laments that he "presents us an enigma which we, unfortunately, cannot solve".²

Did Solov'ëv really turn into a more or less full-blooded Kantian in the last years of his life? In my paper, I attempt to answer to this question by analysing some of the main theses of Solov'ëv's *Theoretical Philosophy*.

Solov'ëv constates at the outset of his work, that the theoretical philosophy must have its starting-point in itself; the "real principle of pure thought" consist in that it cannot accept any theses before they have been scrutinised by the thought itself". This sounds to be very much in accordance with the principles of Kant's criticism and his Copernican revolution.

However, a closer look soon reveals, that Solov'ëvs idea of human subjectivity is even in this his last work very different from Kant's. For Solov'ëv, the pure subjectivity is above all a *phenomenological* fact. He does not define, like Kant, the I or Ego as a *Transcendental Apperception*. As a consequence, Solov'ëvs "egology" focuses on the contents of the subjectivity, not on its pure form, as in Kant.

Further, towards the end of *Theoretical Philosophy*, Solov'ëv defines the word (слово) as the "proper element of theoretical thinking", as the factor which collects the disparate parts of a consciousness in a whole, a totality. For Solov'ëv thus the "word" fulfils the same functions as the *Transcendental Apperception* in Kant.

---

² W. Szylkarski, *Nachwort des Übersetzers*, in: Wl. Solowjew, *Werke – Deutsche Gesamtausgabe*, Bd. VII, Freiburg im Breisgau: Erich Wewel Vlg. 1953, S. 107.

“Self-determination and/or response to value? Kant, Solov’ëv, Scheler – and Harry Frankfurt – on moral psychology”

Vladimir Solov’ëv and Max Scheler share at least the following convictions¹:

- critical opposition to Kant’s formalist ethics
- a similar conception of an objective moral order (Scheler: objective values)
- the belief that our experience of values (the good) is primarily affective in nature: attraction to positive values is tantamount to (spiritual) love
- the belief that insensitivity to value marks the absence of love which in turn stunts personal growth and self-realization.

Are convictions such as these tenable? Do they provide a plausible picture of our moral psychology? A main issue is whether the concept of affective response to an objective moral order offers a satisfactory account of the human will, whether it correctly identifies the source of normativity in our evaluations of what to do and how. It is hardly needs repeating that, for Kant, duty is the ground of the will and the source of normativity. The objection to Kant, on the part of Solov’ëv-Scheler, is that there is far more to the will than rational self-determination governed by duty. On their view, Kant was ‘blind’ to love as the engine of the will and therefore to moral perfectibility, possible only when – for Scheler - we recognize and respond to value (for Solov’ëv: only when we vanquish the egoism that separates us from our fellows and participate, with our fellows, in the moral order). The Kantian would respond: Solov’ëv-Scheler enjoin us to be heteronomous, to relinquish our sense of being self-determining, for the sake of an imagined moral order beyond the pale of anything understanding can attest to.

At least one contemporary philosopher, Harry Frankfurt, would agree with the Kantian and resist Solov’ëv-Scheler. But with a twist that provides an opportunity for a ‘dialogue’ between Frankfurt and Solov’ëv-Scheler. Frankfurt is alive to the importance of love in any plausible account of our moral psychology and the ground of normativity. However, for Frankfurt, neither *response* to value (Scheler) nor the *discovery* of one’s true moral nature (Solov’ëv), is the right account of love’s role in relation to the will. Instead, we construct our will if and only we care about something or someone, identify

---

¹ The Solov’ëv-Scheler affinity has been explored in detail by Helmut Dahm.

with our caring, embrace it wholeheartedly, thereby committing ourselves to act in appropriate ways to the exclusion of others. What values there may be, Frankfurt claims, depends on and arises from our caring, from what is important to us. Rather than sustaining some notion of moral perfectibility love has all to do with *personal integration*. The upshot: I cannot love anything unless I care deeply about myself as a caring self. Will such a moral psychology do a better job in helping us select a viable ethics?

References

1. Buss, Sarah, Lee Overton (eds.). *Contours of agency. Essays on themes from Harry Frankfurt*. Cambridge, Mass./London: The MIT Press, 2002.
2. Dahm, Helmut. *Vladimir Solovyev and Max Scheler. Attempt as a comparative interpretation. A contribution to the history of phenomenology*. Sovietica 34. Dordrecht: Reidel Publishing, 1975
3. Dahm, Helmut. «Aufstieg zur Weltgeltung». In Helmut Dahm, Assen Ignatow (Hrsg.). *Geschichte der philosophischen Traditionen Osteuropas*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 1996, Ss. 44-229.
4. Frankfurt, Harry. *The importance of what we care about. Philosophical essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988/2005.
5. Frankfurt, Harry. *The reasons of love*. Princeton: Princeton University Press, 2005.
6. Kelly, Eugene. *Material ethics of value: Max Scheler and Nicolai Hartmann*. Phaenomenologia 203. Dordrecht: Springer, 2011.
7. Nemeth, Thomas (trans./ed.). *Vladimir Solov'ev's Justification of the Moral Good. Moral Philosophy*. Dordrecht: Springer, 2015. [In part, a new translation in an comparative edition retracing earlier versions]
8. Scheler, Max. *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*. Bd. 2. Gesammelte Werke. Bonn: Bouvier-Verlag, 1954/2009.
9. Scheler, Max. 'Ordo amoris'. *Schriften aus dem Nachlaß, Bd. 1: Zur Ethik und Erkenntnislehre*. Bd. 10. Gesammelte Werke. Bonn: Bouvier-Verlag, 1957/2000.
10. Sutton, Jonathan. *The religious philosophy of Vladimir Solovyov. Towards a reassessment*. Basingstoke: Macmillan Press. 1988.

Aesthetics in Solovyov and Kant: Must Beauty Parallel the Moral Good?

The focus of my presentation is the aesthetic writings of Vladimir Solovyov set against the opposing position of the German philosopher Immanuel Kant when appropriate. Solovyov addressed issues related to aesthetics both in the 1870s and at the start of his return to philosophy after nearly a decade engaged in church and national issues. The early Solovyov's most extensive comments are found in his "Philosophical Principles." In that abruptly halted work, he posited, as it were, without argument, that there are three fundamental forms of human existence, one of which, namely feeling, serves as the subjective basis of the sphere of creativity, whose intentional object (предмет) is objective beauty (объективная красота). Each of the three spheres – creativity, knowledge, and practical activity – consists of three historically successive stages subject to what he called a "law of development." Without offering either empirical evidence or clear rational argument, he affirmed in the first chapter of the "Philosophical Principles" that the three stages in each of the three spheres at least roughly correspond and that their historical development through the first two stages leading to the third are at least roughly parallel. What we can see from his brief remarks on aesthetics is his quite different orientation from that of Kant. Whereas the latter concerned himself with subjective impression, what an individual considers, or ought to consider, to be beautiful, the former displayed little regard for the same. For Kant, an aesthetic object with its beauty provides pleasure for the observer in that object's mere existence. Solovyov does not speak of an observer's feeling. For Solovyov, beauty is an inherent quality of the aesthetic object in itself, but he provided no definite criteria by which we can determine beauty. In contrast, Kant provided a definition in his third *Critique*. An observer perceives an object's formal purposiveness but cannot represent that purpose.

Solovyov only at the end of his *Critique of Abstract Principles* turned to aesthetics where he tells us that the realization of the all-unity in the external, material world would be absolute beauty. Since this beauty is not present in our reality, its accomplishment or fulfillment presents an aesthetic task for humanity. Next came the article "Beauty in Nature" in the newly founded *Voprosy filosofii i psikhologii* in late 1889. In it, he still held beauty to be an objective, not subjective quality inherent in the object. Beauty lies in the transformation of a thing through the embodying in it of a "supra-material

principle.” He accorded little room for feeling, affect, and emotion in viewing nature. Here, we find Solovyov’s significant departure from Kant.

References

1. Kant, Immanuel. 2000. *Critique of the Power of Judgment*, trans. Paul Guyer and Eric Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Luk’janov, S. M. 1916. *O VI. S. Solov’ëv v ego molodye gody*. [VI. S. Solovyov in His Youth]. Petrograd: Senatskaja Tip. Kniga pervaja.
3. Soloviev, Vladimir. 2003. *The Heart of Reality: Essays on Beauty, Love, and Ethics*, trans. Vladimir Wozniuk. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.
4. Solovyov, Vladimir. 1911-1914. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. St. Petersburg: Tovarishchestvo Prosveshchenie.
5. Solovyov, Vladimir. 2001. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Sochinenija, tom tretij 1877-1881*. [Complete Collected Works and Letters. Volume 3: 1877-1881]. Moscow: Nauka.

Международная научная конференция поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

This international conference is supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.